

СЕРГЕЙ КУЗЬМИЧ

Затерянный берег

Сергей Кузьмич
Затерянный берег

«Издательские решения»

Кузьмич С.

Затерянный берег / С. Кузьмич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832257-0

Повесть «Затерянный берег» и рассказы написаны живым и понятным для читателя языком. Эта книга будет интересна как молодежи, так и людям с большим жизненным опытом. Большинство сюжетов основаны на реальных событиях и призваны не учить читателя жизни, а предложить по-другому взглянуть на мир окружающий, задуматься над смыслом его бытия...

ISBN 978-5-44-832257-0

© Кузьмич С.
© Издательские решения

Содержание

Затерянный берег	6
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Затерянный берег

Сергей Кузьмич

© Сергей Кузьмич, 2017

ISBN 978-5-4483-2257-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Затерянный берег

От автора

Повесть основана на реальных событиях, которые пришлось пережить главному персонажу произведения Павлу. Поиск истины, обретение веры и идентификация христианина в светском обществе – вот главный лейтмотив произведения, предложенного читателю. Также, автор попытался обнажить проблему, так называемого, национального вопроса в нашей стране. Тему, которую опасливо обходили вниманием, как в советское, так и в настоящее время. Актуальны размышления о Родине. Где она: на исторической земле отца, матери, месте твоего рождения, или она вообще не имеет географических границ?

Описываемые мной не всегда лицеприятные «телодвижения» священнослужителей и адептов РПЦ ни в коей мере не должны восприниматься, как попытка очернительства Церкви. Это достоверные факты из жизни Павла. Сама же Православная Церковь, которая в своей сути свята и непорочна, вину за человеческий фактор, который был, есть и будет, нести не может, и не должна...

С уважением, автор

У каждого поколения свой формат восприятия мира и свое понятие о Родине. Для Пашки, Родина – это невыразимая в словах прозрачная синева льда на озере, под которым величаво стоят щуки молчаливо раскрывая свои хищные рты. Родина – это мерцание далеких, загадочных звезд в иссиня черном полуночном небе, и луна, словно хлеба краюшка пористая, поражающая воображение своей неземной палитрой красок. Наконец, Родина – это Пашина семья, друзья, знакомые и город, в котором он родился и живет. А вообще, Родина – это понятие которое невозможно ограничить территориальными и национальными границами, ибо человек, рожденный в одном государстве, но волей судьбы живущий в другом, может одинаково любить обе страны...

1

Начало 60-х...

Пашка стоял у бордюра городского проспекта и ждал появления знаменитого гостя – лидера кубинской революции. Раздался взрыв ликования, и он увидел загорелого бородастого мужчину, стоящего на проезжающем грузовике с откинутыми бортами. Особо запомнил Павел, что Фидель отчего-то смущенно улыбался ему и приветственно махал своим знаменитым беретом. В пять лет трудно понять причину приезда кубинского команданте в страну развитого социализма, но когда отец принес с работы пару килограмм экзотических фруктов, которых все называли бананами, Пашка уяснил цель визита заокеанского вождя: должен же был кто-то познакомить его со вкусом неведомых плодов! И смущался он глядя на Пашку не зря: два килограмма бананов на семью из пяти человек это катастрофически мало. Наверняка по этой причине, Фидель, сразу же после осмотра грандиозного каскада Сталинградской ГЭС, уехал. Пашка простил его: у взрослых свои причуды. Да и не до того было. На носу маячило окончание срока воспитания в детском саду и торжественное посвящение в первоклассники...

2

Надо отдать должное школе того времени. Никто из класса не выделялся по одежде, социальному статусу, национальному признаку. Все эти явления обозначились гораздо позже, когда после 8 класса Пашка поехал поступать в мореходное училище. Позвонив в приемную комиссию, чтобы узнать о результатах экзаменов, Паша, по иронии судьбы, попал на номер начальника ОРСО¹ мореходки торгового флота². Несколько раз, переспросив Пашкину фамилию, тот отрывисто бросил в телефонную трубку:

– Армянин? Нет тебя в списках, и не будет!

Телефон замолчал. Бешено колотилось сердце. Пашка обессиленно опустился на стул:

– Я никогда не считал себя армянином, а если бы и считал то, что с того? Армянин у меня отец, а мама – русская. Я не знаю ни языка, ни обычаев, ни нравов. Я родился и вырос на волжской земле. Почему он сделал акцент именно на национальности? За что?!!!

Вот так, впервые в своей жизни, Паша столкнулся с великорусским шовинизмом. А вернее всего не с ним, а с недалекой особой, считающей, что славянские Ф.И.О дают ему право считать себя сверхчеловеком. Позже Пашка с удивлением заметил, что болезнью гипертрофированного славянофильства заражены, как правило, люди со славянскими фамилиями, но с ярко выраженной не славянской внешностью. Но это так, к слову. Зато с мореходкой все сложилось благополучно. Экзамены Пашка успешно сдал, и уже в сентябре ему предстояло покинуть родной город...

3

Учеба в «КМУ»³ началась с пропажи брюк, отсутствие которых Паша обнаружил проснувшись, и хитроумного способа отнимания денег в обмен на моральную поддержку и статус неприкосновенности. Причем деньги просили займы. Ни денег, ни брюк, ни поддержки, Пашка так и не увидел, зато в полной мере хлебнул романтики трудового семестра на арбузных плантациях. В итоге, за каторжный труд, протекавший под аккомпанемент пьяных колхозников, бурно праздновавших приезд молодых и сильных рабов, курсанты, остались еще и в долгу перед колхозом-миллионером...

– «Вы думаете Одессу брали люди? Как бы не так, ее брала пьяная матросня...!»

Эта фраза была очень популярна в училище. Ведь именно так и не иначе, в 70-е годы прошлого столетия ассоциировались люди в морской форме среди простого народа. «Оптимистическая трагедия», «Мы из Кронштадта» и другие фильмы, редко обходились без сцен с разбитной и не знающей страха матросской братвой. И форма действительно формировала содержание пятнадцатилетних мальчишек, словно понуждая их бравировать созданным системой безнравственным имиджем. Расплатой же за приобретенные в стенах бурсы⁴ цинизм, пьянство и беспутный образ жизни послужил факт, что уже через 15 лет после окончания училища в живых осталось только половина роты. Причем роты, которая считалась одной из самых образцово показательных. Для информации сообщу, что подъем-отбой за 45 секунд практиковался там целых 2 года. Практиковался и опыт подъема всего личного состава училища, и прибытия его на место событий в случае обиды кого-либо из курсантов гражданским населением. Самыми значимыми в Пашкиной памяти остались события взятия штурмом общежития для условно освобожденных и сбор курсантов двух мореходных и речного училища

¹ Организационно-строевой отдел.

² В Астрахани было две мореходки. Паша поступал в мореходку рыболовного флота.

³ Каспийское мореходное училище.

⁴ Распространенное в курсантской среде название КМУ.

на пяточке у «Татар базара», когда подрезали курсанта «АМУ»⁵. Тогда господам уголовникам пришлось выпрыгивать в окна, а милиции – упрашивать курсантов не переворачивать пригнанные на место событий «воронки». Уместно сказать, что во время «профилактических чисток», астраханских «ништяков»⁶ словно ветром выдувало с их насиженных дворов и беседок, так как курсанты, в порыве праведного гнева, не щадили никого. Исключение составляли лишь влюбленные пары, которым учтиво предоставляли проход. Впрочем, был случай, когда человека шедшего со своей дамой единодушно выбросили с моста в Кутум⁷. Лишь за то, что тот, не оценив благородный порыв людей в матросской форме, начал изрыгать проклятия в их адрес. Вот такие были нравы, но это к тому, чтобы читатель вникся в атмосферу духа, витавшего в стенах мореходок того времени.

4

«Марочку» честного курсача Паша держал: не предавал, не закладывал, не унижался. Этому обязывал кодекс чести, негласно прописанный в КМУ, а также, личные моральные принципы. Параметры Пашкиной души были неадекватно отмечены и начальством: на выпускном курсе его, нежданно-негаданно, назначили помощником старшины группы.

За что? За столкновение в центре города с недавно назначенным начальником ОРСО. Причем начальник был абсолютно трезв, а Паша с точностью до наоборот. Осознание строевиком роли Пашкиной личности в формате мировой целесообразности произошло в результате очной ставки, когда, после непродолжительной беседы, в обмен на помилование, Пашка категорически отверг предложение о взаимовыгодном сотрудничестве⁸. Парадокс, но уже на утреннем построении был зачитан приказ о новом Пашкином статусе. По нынешним понятиям – нонсенс, но в то время порядочность еще чтили...

Старшины и пом. старшины пользовались привилегиями при распределении на работу, но на Пашкину судьбу новая должность не оказала никакого влияния. Десять счастливиц из его роты получили назначение на суда заграничного плавания в Калининград, а Пашу, как и остальных его сокурсников, ждал Каспий. Правда этому событию предшествовала почти двухмесячная стажировка на кораблях ВМФ⁹, которую предстояло провести на десантном корабле в одной из воинских частей города Баку...

Но, вот позади учебный поход с целью поиска посадочной капсулы космического корабля «Союз», исполнение браконьерской миссии на борту 6-ти весельного яла, куда курсантов отрядили для вылова осетров, и принятие воинской присяги. Выдав на руки по 4 рубля, коих хватило лишь на билет до Гудермеса, воинское начальство с легкой душой выпустило курсантов на волю...

От Гудермеса до Астрахани добирались тайком, на открытой платформе товарняка, купив, в складчину, на оставшиеся 2 рубля пирожков. С песней: «Родная Астрахань спешу тебя обнять...», на ходу поезда, десантировались в упругую гальку железнодорожного вокзала.

– Здравствуй, Астрахань...!

⁵ Астраханское мореходное училище.

⁶ Астраханская шпана.

⁷ Один из астраханских каналов.

⁸ Говоря простым языком, Паше предложили стать стукачом.

⁹ Военно-Морской Флот.

5

По распределению Паше досталось управление «Каспрыбхолодфлот»¹⁰ в г. Астрахани. Эта контора занималась добычей кильки на Каспии и имела довольно внушительный по тем временам флот. Первым его судном, судя по направлению выданным отделом кадров, должен быть стать РДОС «Капитан Шаульский». Правда, надо было еще пройти медицинскую комиссию...

Очередь на медкомиссию была внушительной. Судя по разговорам, одну половину контингента составляли шофера, другую – моряки. Раздевшись в прихожке до трусов, разбились на очередь. Первым специалистом оказалась совсем молоденькая девчушка – врач-невропатолог. Паша зашел к ней на пару с долговязым, губастым мужичком, от которого за версту несло перегаром. Тот и пошел первым на испытание.

– Вытяните руки вперед, закройте глаза и коснитесь пальцем носа, – сладкоголосо пропела румяная, как наливное яблочко, врачиха.

Мужичок послушно вытянул руки вперед и, поскольку его словно в жестокий шторм колбасило из стороны в сторону, судорожно поставил костлявые ноги на ширину плеч.

– Моряк без качки жить не может! – оскалившись, вымученно сострил он, пытаюсь удержать столь нужное сейчас равновесие.

Врачиха с участием посмотрела на него:

– Ноги вместе. Закройте глаза и коснитесь кончиком пальца носа.

Мужик послушно закрыл глаза, и некоторое время действительно стоял, изображая вечный маятник. Но, когда он попытался отыскать свой нос в окружающем его пространстве – столь ревностно созданная им система равновесия рухнула. Паша едва успел уклониться в сторону, как мимо него просеменил на заплетающихся ногах испытуемый, и, со всего маху врезавшись головой в стенку, рухнул на пол.

– Не годен! – вынесла вердикт врачиха, в глазах которой застыл неопишуемый ужас.

Мужичок мужественно поднялся с пола, словно боксер после нокаута.

– Можно я попробую еще? – умоляюще прошептал он.

– Вы не сможете, – едва не плача выдавила из себя румяная.

– Поверь в меня! – умоляюще попросил мореход и, попрыгав на месте, как бы разминаясь перед предстоящим боем, вновь занял исходную позицию.

Со стороны, шатающийся в невероятных судорогах моряк, с намертво вцепившимся в собственный нос пальцами, напоминал кобру, услужливо вьющуюся перед хозяином факиром. Сцена длилась минуты две, после чего «змий» не выдержал и, словно заправский балерун, выделявая замысловатые па, снова рухнул, но уже на врачиху. В этот момент в кабинет зашла полная женщина в белом халате.

– Не поняла! – остоленев, прошептала она. – Антонова, что тут у вас происходит?

– Это дочь моя, – сидя у врачихи на коленях, и цепко вцепившись в ее халат, разрядил ситуацию перепуганный мужик. – Десять лет не виделись...

– Родственные отношения попрошу вынести за пределы медицинского учреждения, – сказала, как отрезала, начальница. – Ставь отцу отметку в медкнижке и не задерживай очередь.

Уходя, она язвительно добавила:

– Ну и родственники у тебя, Антонова...

– Годен, – белая, как полотно, прошептала врачиха и, отрешенно глядя куда то в окно, добавила:

– Следующий...

¹⁰ Далее – КРХФ.

6

– Видал, как я ее обработал? Девка аж затрепетала в моих руках! – протянул для знакомства руку «танцор», когда Паша подошел к кабинету терапевта. – Григорий Танцора, – потомственный рыбак, пионервожатый и радист по совместительству. Для тебя – просто Гриня. Это заключительный специалист, а значит для нас с тобой – последний и решающий. Ну, давай, ни пуха, – Гриня решительно шагнул к двери.

– Крендель! – вылетел он от врача через пару минут. – Упрямый попался. Высокое говорит у тебя давление – не пропущу. Ну, ничего, как говорится клин – клином... – Гриня, резво сбежал с крыльца и нырнул в какое-то помещение, находившееся в пристройке...

Когда Пашка вышел от терапевта с оформленной медкомиссией – Танцора сидел на улице в окружении неформальных мужчин со стаканом водки в руках.

– Сейчас выпью еще одну и к «Пилюлькину», – пояснил он, поймав изумленный Пашин взгляд. – А иначе давление не сбить!

Пашка перевел взгляд на дверь, куда заскакивал Гриня. Нагло игнорируя призывы к здоровой и полноценной жизни, пропагандируемые в соседствующем помещении, над ней красовалась ядовито-зеленая вывеска – «Вино-Водка»...

– Ну что, Паша, обмоем нашу новую жизнь. Пал «Пилюлькин», не устоял перед моим обаянием и жизненным опытом, – гордо потряс Гриня медкнижкой. – На целый год эта новая жизнь. Ни докторов тебе, ни таблеток. Не робей! – приободрил он, заметив, что Паша сконфуженно отнекивается. – Деньги есть! А пока деньги ляжку жгут – океаны подождут...

Отмечать событие вышли на волжский берег, закатанный в бетон.

– Лейтенант Мелешенко! – вдруг осклабилась Гриня, увидев сидящего в гордом одиночестве паренька с бутылкой водки в руке. – Какими судьбами?

– Кочерга из дому выгнала, – буднично пояснил «лейтенант», в очередной раз «поцеловав» бутылку.

– Кочерга – это его жена, – пояснил Гриня. – Зверь баба!

– Сынок, до чего ж ты дошел. Неужели денег на хлебушек нет? – подскочила к Мелешенко невесть откуда взявшаяся бабка. – Гляжу на тебя, и сердце разрывается: тоскуешь в одиночестве и воду голимую пьешь. На-ка вот, тебе пирожков принесла, поешь. А вы, алкоголики, валите отсюда, пока милицию не вызвала!

Мелешенко, как сидел – так и застыл в позе роденовского «Мыслителя». Словно дар речи потерял.

– Ну чего ты раскричалась, старая! – впрягся Гриня. – Это ж сын мой, целый день по городу разыскиваю с младшим, – он указал на Пашку. – Давай свои пирожки, а мы уж тут, по-семейному, сами разберемся...

Недоверчиво зыркнув на Грину, ворча и постоянно оглядываясь, бабка все же ушла.

– Вот так и обретают детей своих, – сострил Пашка и, не выдержав, расхохотался. – Давай, «многодетный», наливай!

– Ну, что, родственники, вздрогнем под домашнюю снедь?! – картинно растопырил пальцы Гриня.

– Другого выхода просто нет, – вышел из оцепенения Мелешенко.

– Кто знает стихи, прочитайте, – попросил Гриня. – Я их просто обожаю...

Пашка прочитал стих Глеба Горбовского «На танцах», от которого Гриня пришел в неописуемый восторг. Под него и выпили.

– Вот это класс! – не переставал восторгаться Горбовским Гриня. – Как это у него: «Офицерик твой – мышь полевая, спинку серую выгнул дугой..». Просто потрясающе! Да не тебя я имел в виду, «лейтенант», – дружески хлопнул он было встрепенувшегося Мелешенко. Это ж поэзия! А я ни одного стиха, к сожалению, не знаю. Кроме вот этого...

Проникновенно глядя в охваченное закатом вечернее небо и, пафосно отклонив мизинец на руке держащий стакан, Гриня продекламировал:

«Подруга дней моих суровых. Голубка дряхлая моя!..»

– Вот они, алкаши поганые. До сих пор сидят здесь! – положила конец «творческому» вечеру неожиданно выпорхнувшая из-за угла «сердобольная» бабка, за которой шагали два милиционера.

– Накаркал! – обреченно уронив голову на грудь, прошептал Мелешенко...

7

Разбор залетов состоялся сразу по приходу Паши из рейса. Набрал плавательский ценз, он получил рабочий диплом и сидел в ожидании своей участи в отделе кадров.

– Обалдеть! – пожаловался своему коллеге зашедший в кабинет Андрюша Гонзелко¹¹. – Ты помнишь, мы послали в Пирсагат¹², на «СЛВ»¹³, капитана?

– Это бывшего попа, что ли?

– Ну, да. Который недоучился в духовной семинарии. Мы ему тогда еще наставления давали, предупреждали, чтобы был осторожен. Мол, там не экипаж, а пиратское осиное гнездо.

– Ну, и...

– На, почитай, – протянул телефонограмму Андрюша.

– Ваше задание выполнено. Осиное гнездо ликвидировано, – вслух прочитал зам. – Слушай, он, что там совсем с ума спятил? Как это понимать?

– А понимай, как хочешь. Мол, ликвидировал этих сволочей и все! А тут еще этот, – Андрюша кивнул в сторону Пашки. – Молодой специалист. Не успел и рейса сделать, как в милицию залетел. Компания у него я тебе скажу – офигенная. Нарочно не подберешь... Ну, рассказывай, как дело было, – обратился Гонзелко к Пашке.

– Да ничего особенного. Выпили немного, читали стихи...

– Ой, я не могу! Я сейчас точно уписаюсь, – начал сползать под стол зам. – Ты еще скажи, что стихи читал Танцюра!

– Он после меня и читал, про старушку...

– Дайте кто-нибудь валидол! – схватился за сердце Гонзелко. – Надеюсь не про ту, у которой он по ночам покупает самогон?

– Нет, он про няню читал. Пушкина...

– Про няню..., – застонали от смеха кадровики, свалившись на пол. – Гриня – про няню...!

В дверь постучали и в кабинет зашла невероятно тощая и плоская молодая женщина в синем парике сползшем набок.

– Полина?! – удивленно вскинул брови Гонзелко стоя на четвереньках. – Ты же должна быть в рейсе!

– Списали, – всхлипнула та. – Несправедливо и незаслуженно...

– Дай-ка аттестат¹⁴, – протянул он руку.

¹¹ Зам. начальника отдела кадров. Несмотря на свою должность – компанейский парень, недавно закончивший рыбный техникум.

¹² Бухта Пирсагат, на юго-западе Каспия. Там базировалась рыболовная флотилия КРХФ.

¹³ Плавающая станция льяльных (загрязненных) вод.

¹⁴ Документ, в котором, помимо сведений о работе, обозначалась и причина списания с судна.

Не дочитав до конца, Андрияша бросил документ на пол и на карачках пополз к раскрытому окну.

– Ты куда? – ухватился было за него зам.

– Я не могу! – всхлипнул Гонзелко. – Я не могу больше работать в этой сумасшедшей конторе, – и, перегнувшись через подоконник, выпал наружу¹⁵.

– Андрияша, подожди, я с тобой! – выпрыгнул вслед за ним и заместитель, заметив, что начальство ползет в сторону «тридцатки»¹⁶.

Осторожно, как ядовитого гада, Пашка поднял аттестат и вопросительно посмотрел на Полину, стоявшую в позе светской леди.

– Читай, коли интересно, – равнодушно зевнула та. – А то может вещи поможешь даме до дома донести?

Сославшись на занятость, Паша поднес документ к глазам. В графе «Причина увольнения с судна» значилось:

– Списана за половой бандитизм...

8

Вернувшись с «тридцатки» в добром расположении духа, кадровое начальство поставило точку в Пашкином деле: его направили вторым механиком на «ПТС-200»¹⁷.

– С повышением! – поздравил себя Павел и пошел принимать паром.

Судно было небольшое, заведование маленькое, а кубрик, в котором Паше предстояло жить, – общий, где кроме его койки располагались шконки стармеха, старпома, двух матросов и кока.

– Здорово! – ввалился в кубрик незнакомый Паше пожилой человек. – Механик? А меня дядя Коля зовут, кликуха – Воробей. Я дежурным электриком по пирсу значусь. Есть проблемы?

– Да мне бы по электрике показать, да рассказать...

– Это ты по адресу попал. Я тут все суда, как свои пять пальцев знаю. Смотри, – продолжил он, когда они с Пашкой спустились в машину и зашли за ГРЩ¹⁸.

– За эту шину братья руками можно, – Воробей положил на нее руку. – А вот за эту, – крепко схватился он за другую оголенной ладонью – ни в коем случае, убьет!

– Да она же под напряжением! – встрепенулся Павел.

– Дядю Колю, сынок, трудно убить. Это не смогли сделать ни годы репрессий, ни морские шторма, ни алкоголь. Меня даже 380 вольт не берет...

Разузнав, что Пашка «пустой», т.е. пришел принимать дела без положенной проставки, Воробей, что-то раздраженно бубня под нос, удалился. Зато появился другой персонаж – простоватый на вид мужичок лет сорока в зимней шапке с поднятым ухом и кирзовых сапогах.

– «Володя в шапке», – так меня здесь все кличут, – представился он. – Только что с кичи¹⁹ откинулся, а здесь – матросом.

– Не жарко-то в шапке? Нормальные люди еще в рубашках ходят...

– Да он и спит в ней, – пояснил широкоплечий верзила с добрыми, как у коровы, глазами. – Петя, матрос, – протянул он лодочкой руку...

¹⁵ Окна отдела кадров были расположены очень низко от земли.

¹⁶ Район Астрахани, находившийся неподалеку от КРХФ. Туда обычно ходили за спиртным, и попить пива из привозной бочки.

¹⁷ Приемное транспортное судно с охлаждаемым трюмом.

¹⁸ Главный распределительный щит в машинном отделении.

¹⁹ Место заключения.

В ходе дальнейшего знакомства выяснилось, что судно является плавучим магазином для рыбаков. Капитана – человека незаурядной физической силы, жилистого и высокого, зовут Саня Филиппенко. С полной выкладкой – всепогодный капитан Филиппенко.

– Почему всепогодный? – поинтересовался Паша.

– Увидишь, – загадочно улыбнулся «Володя в шапке».

– Старпом у нас – Володя, с Новороссийска. Прозвище – капитан Флинт²⁰. Это потому, что у него зрение только на один глаз и ногу волочит после паралича. Здоровье потерял на танкерном флоте. Имеет законченное высшее образование, – уважительно отозвался о начальстве Петя. – Я с ним вахту стою.

– Ну, а продавца нашего, татарина, зовут Федя. Он с Казани. Крученный мужик! – восторженно продолжил «Володя в шапке». – Я говорит, штук семь таких пароходов купить могу...

– А коком кто? – поинтересовался Паша.

– Мерин, – пренебрежительно отмахнулся Петя. – Он сейчас в городе. Готовит так себе...

Вечером на судно пришел стармех – пожилой мужчина с черными, как смоль, бровями.

– Андреич, – представился он. – Тебя сюда временно, или на постоянной основе?

– В отделе кадров сказали – на исправление.

– Вот оно как. Штрафник, значит. Да оно и понятно: правильных людей на ПТС не присылают. Тут, или с «академии Дозорцева»²¹ специалисты, либо штрафники...

Узнав, что Паша закончил мореходку, Андреич обрадовался:

– Значит моей заменой будешь. Рейс сходим, и я тебя в кадрах рекомендую. Полтора года, как в отпуске не был...

Ну, а со старпомом и коком знакомство состоялось в трамвае. Возвращаясь после вечерней прогулки по 17 пристани²², Паша обратил внимание на изрядно подпитую парочку. Бок о бок, на трамвайной скамье, сидели два пьяных мужичка, а над ними, с бесполезной просьбой показать билеты, стояла контролер. Тот, который с длинной гнедой челкой и растаявшим мороженым в руках, беспрестанно, как лошадь, ржал. Другой, с безумными от выпитой водки глазами, запрокинув рано полысевшую круглую голову, бойко сыпал забористыми фразами по-английски.

– Покажи билет, сволочь! – наконец не выдержал пассажир, сидевший по соседству. – Что, баба около тебя до утра стоять будет?

– Ху а ю? Ай донт андэстэнд ю!²³

– Куда, куда ты меня послал? – взвился мужик и смачно засветил «англичанину» промеж глаз. – Это вы в своем НАТО²⁴ будете над рабочими глумиться. А здесь Астрахань...

– Больно! – плаксиво выдавил из себя лысый, испуганно глядя на мужика.

– Смотри ты!?! – удивился мужик. – Как больно становится – все по-русски понимать начинаете. Так и передай своим: если революцию в Чили задушите – астраханский народ вам этого не простит. А ну отвечай, буржуйская морда! – обратился он к чубатому. – Есть у вас билеты, или нет?

– Ммм..., кыррр..., – замычал тот, видимо потеряв дар речи от страха.

– Ну, что вы к нему пристали? Пойдемте отсюда, – ласково прильнула контролер к своему защитнику. – Не видите разве, что парень глухонемой.

С трамвая Паша вышел вместе с «буржуями». Они же его и «сопровождали» до судна...

²⁰ Пират из рассказа Жюль Верна «Дети капитана Гранта».

²¹ «Пулеметные», как их тогда называли, курсы, скоропостижно выпускавшие специалистов для маломерного флота.

²² Место швартовки туристических теплоходов. Любимое место отдыха астраханцев.

²³ Кто ты? Я не понимаю тебя (англ.)

²⁴ Недружественный Советскому Союзу североатлантический военный блок.

9

То ли Андреич расстарался, то ли воля случая: через трое суток вызвали Пашку в кадры и заставили расписаться в приказе о назначении его старшим механиком вышеупомянутого судна. Укрепив экипаж скороспешно подобранным 2 механиком, пароход срочно отправили в рейс...

Вахту Пашке выпало нести вместе со старпомом. Накачав ручным насосом топливо в расходной бак, Пашка поднялся в рулевую рубку, где находились контрольные приборы. Шли Волго-Каспийским каналом. Ночью...

– Смотри внимательно! – наставлял старпом Петю. – Сейчас буи пойдут. Как заметишь – немедленный доклад мне.

– Что за буи? – поинтересовался Пашка.

– Номерные. По всей длине канала до выхода в море, – пояснил старпом. – Последний, кажется, под номером триста.

– Первый пошел! – доложил Петя.

– Руль – мне! – скомандовал старпом. – Если буду отклоняться – корректируй!

– Как в прошлый раз, или как всегда? – хихикнул Петя.

– Как положено! – строго отозвался старпом. – И смотри без дураков. Помни: каждый буй стоит триста рублей, а у меня травма...

– У вас каждый выход в море – травма, – съерничал Петя. – Лево руля. Руль направо. Прямо. Так держать!

Старпом до времени послушно исполнял все предписания Пети, пока ему не надоели приказы подчиненного.

– Кто тут старпом?! Ты, или я? – наконец не выдержал он. – А ну-ка, быстро за руль! – передал он штурвал матросу. – Раскомандовался!

– Руль десять градусов вправо, – закурил он, смачно пригубив кофе. – Молодца. Так держать!

– А по-моему мы идем прямо на буй! – не выдержал Паша.

– Точно, на буй! – подтвердил Пашкины опасения и Петя.

– Это по-вашему – на буй, а по-моему – мы уже в море. Только что прошли последний трехсотый...

В этот момент раздался сильный удар по корпусу и со страшным скрежетом, что-то неведомое, отсчитало все шпангоуты²⁵ судна.

– Вот он, трехсотый, – трагично прокомментировал ситуацию Петя.

– Что, парни, все, как обычно? – выскочил из каюты капитан.

– Яволь²⁶, мой командир! – вытянулся в струнку Петя. – Только что мы пустили на дно очередной трехсотый буй.

– Ну, Флинт, Маринеску²⁷ по сравнению с тобой – пацан в коротких штанах! – ухмыльнулся Филиппенко. – Какой этот по счету?

– Пятый, – удрученно выдавил старпом. – Надеюсь, как всегда, промолчим?

– Если, как всегда, – промолчим, а если, нет...

– Лучше, как всегда, – вытащил из штурманского стола бутылку водки Флинт.

– Ладно... И как тебя старпом совесть не гложет? Государству ущерб на полторы тысячи рублей учинил!

²⁵ Поперечный набор корпуса судна.

²⁶ Так точно (нем.).

²⁷ Знаменитый советский подводник, прославившийся в годы Великой Отечественной Войны.

Старпом, волоча ногу, кругами заходил по рулевой рубке, нанося удары невидимому противнику.

– Эх, встретить бы сейчас того, кто мне зрение в трамвае подпортил...!

– Не, вам, «буржуйам», с астраханским пролетариатом в одиночку не справиться, – подытожил Паша...

10

В Красноводск пришли утром. Несмотря на осень, было довольно тепло. Экипаж собрался на палубе, блаженно греясь под щедрым туркменским солнцем.

– Есть желающие посетить город? – вышел на палубу капитан.

Отказников не оказалось: несмотря на отсутствие денежных средств, все единодушно выразили желание размяться. Капитан, вместе с Федей, остался на судне решать какие-то свои коммерческие вопросы, а Пашка, с остальной ватагой, отправился в город. В складчину, денег хватило лишь по кружке пива на брата. Облюбовав пивную точку, моряки не спеша смаковали пенный напиток.

– Ладно. Открою вам, братва, свою тайну, – решил, наконец «Володя в шапке». – Задумал я бизнесом заняться. Водку на берегу покупать, да в море перепродавать. Деньги на первоначальную закупку есть. Только уговор: кэпу и Феде – молчок!

Народ единогласно одобрил решение «шапки» и с энтузиазмом двинулся на закупку спиртного. Всего было приобретено пятнадцать бутылок водки. Заказав всем пива, «шапка» расщедрился и выкатил на стол пивнушки еще и пару бутылок водки.

– Гулять, так гулять, угощаю!

– За успех! – прозвенело стекло.

Мечтательно глядя на обрамляющие город красноватые горы, «шапка» промолвил:

– Совсем как в Казахстане. Помню, я три часа на такую гору карабкался.

– Ха! – фыркнул Мерин. – Я эту гору за полчаса покорю. Туда и обратно.

У «шапки», от такой наглости, даже уши приподнялись на его головном уборе.

– И за пять часов не залезешь! – убежденно отозвался он. – Твой удел – без билета на трамваях ездить.

– Посмотрим на чей лоб муха сядет, – отпарировал Мерин. – На что спорить будем?

– Да вот хоть на всю водку, что для бизнеса взял! – разошелся «шапка». – Слабо тебе эту высоту взять.

Ударили по рукам. Мерин же, в случае неудачи, прилюдно пообещал вернуть проспороенное деньгами, с первой полочки. Доверив Паше стеречь начальный капитал, «шапка», подмигнул ему:

– Пока мы ходим, можешь наливать сколько душе угодно. Попал Мерин, попал! А значит и мой бизнес удвоится, – радостно пропел он, потирая руки.

Паша поудобней устроился за столиком и сконцентрировал все внимание на пике горы, ожидая появления Мерина...

Ждать пришлось недолго. Минут через сорок, на горизонте замаячили знакомые фигуры. Судя по радостной физиономии Мерина, предсказать результат не составляло особого труда. Поставив чубатого на щербатый и обгоревший пень, народ предоставил ему право торжественной речи.

– Наше дело правое и мы победили. Ура, товарищи! – радостно заорал Мерин, нагло заимствуя фразу усатого вождя²⁸ из недавно прочитанной им книжки.

²⁸ Имеется в виду И. В. Сталин.

– С таким чубом и интеллектом только «Майн кампф»²⁹ цитировать, – обреченно махнул рукой Флинт. – Короче. Как доверенное лицо этого человека, – Флинт указал пальцем на Мерина. – Как его непосредственный начальник, я, объявляю собственность, доселе принадлежавшую «Володе в шапке», достоянием экипажа «ПТС-200»!

Громогласное «Ура!» сотрясло стекла местной пивной. Флинт, заметив, что Мерин не совсем согласен с предлагаемым вариантом дележа «добычи», угрожающе прошептал, наклонившись к нему:

– Я, надеюсь, вы не забыли милейший, сколько стоит телячья ножка, украденная вами у экипажа и обмененная на водку...?

Мерин только рукой махнул... А вот на «шапку», в пылу веселого застолья, было больно смотреть. Даже уши его всегда внушавшей оптимизм ушанки понуро обвисли.

– Видать не мой это день, – пояснил он Паше. – А Мерин хитрый оказался, зараза. На то стороне объездная дорога на вершину есть, по ней щебенку на бетонный завод возят...

11

Между тем, над Пашкиным пароходом сгущались бури. Одна настоящая, которую по прогнозу обещали на завтра, другая – изрыгаемая из капитанских уст:

– Где ж вы денег нашли так нажраться, сволочи! Или в этом городе есть места, где моряков поят бесплатно? Так покажите мне их, и я брошу свой дом и жену. С кем мне прикажете теперь выходить в море?

Филиппенко негодуяюще взглянул на Пашку:

– Ну, от всех ожидал, но от тебя...

Собрав последние силы, словно ему предстояло проходить через КПП³⁰ родной мореходки, Паша членораздельно произнес:

– Готов к несению вахты!

– Вижу, что готов! Тебе еще галстука пионерского не хватает, – восторженно завопил Филиппенко. – Бегом в машину и запускай двигатель!

– Отдать швартовы, уходим! – отдал команду кэп и, повернувшись, понял, что кроме него на палубе никого нет. Воспользовавшись переключением командирского внимания на Пашу, команда втихаря расплзлась по шконкам и заснула богатырским сном.

Услышав, что механик запустил двигатель, Филиппенко скинул швартовы и, перебросив их на судно, прыгнул на борт. Когда Пашка вылез из машинного отделения, судно уже всю «шагало» по каспийским просторам...

Вопреки прогнозу, ураган налетел неожиданно. Буквально за 20—30 минут погода так взбаламутила Каспий, что изменить взятый курс «носом на волну» капитан уже не мог. Иначе бы «ПТС» просто перевернуло.

– Прикройте меня, кто-нибудь! Мне необходимо развернуть судно в сторону берега, – кричал в эфир проходившим мимо судам Филиппенко.

В ответ – тишина. Все спасались в одиночку, уповая лишь на собственные силы и возможности. Правда, какой-то ЖМЗ³¹ все же откликнулся на призыв о помощи:

– Извините, положение критическое. Помочь ничем не могу...

– Спасибо, за участие, родной! – язвительно засмеялся Филиппенко.

– Да, сходили за хлебом, – мертвецки побледнев, вымолвил Федя. – Шансы хоть есть?

²⁹ Книга нацистского вождя – Адольфа Гитлера.

³⁰ Контрольно-пропускной пункт.

³¹ Жиро-мучной завод (судно довольно внушительных размеров).

– Шанс один, – подмигнул Филиппенко. – Только вперед! А это значит двое – трое суток по штормовому морю в сторону западного побережья.

Федя длинно выругался по-татарски:

– Дурак! Зарекался же завязать с морями...

– Поздно, батенька. Теперь падайте на свою койку и благодарите судьбу, что не стоите вахту, – приколол Филиппенко.

– Дедушка³², – обернулся он к Паше. – Сходи в кубрик и любыми путями приведи сюда матроса. Живого, или мертвого, все равно.

– Приведи, – ухмыльнулся Пашка. – Легко сказать. А если его за борт смоем? Они же на ногах еле стоят.

– Правда, твоя, – вздохнул капитан. – Поубиваю гадов, когда проснутся.

Сменяя друг друга, они отстояли у штурвала часов восемь. Каждые два часа Пашка бегал в машину для контроля и откачки прибывающей морской воды. А она лилась со всех щелей. Капало и сочились с подволока³³, бортов. Наверняка вода поступала и с днищевой части. Поняв, что вахту, по причине качки, придется нести лежа, Паша расстелил дежурный матрас между главным двигателем и ГРЩ...

– О, да в кубаре дверь с задрайки слетела, – повернулся к Пашке кэп, когда тот вновь заскочил в рубку. – Придется тебе, деда, все-таки в кубрик идти. Заодно поднимешь на вахту «безвременно усопших»...

12

Девятиметровая волна рушилась на пароход стеной, и попасть в рубку, и носовой кубрик, можно было только после схода с судна очередной лавины. Бегом. А накрывало пароход так, что временами казалось, будто ты находишься в аквариуме, а не в рулевой рубке. Крупно дрожа, после очередного удара волны, «ПТС» натужно выбирался из морских объятий и падал в них вновь, настырно продолжая утюжить сумасшедшее море.

– Флинта, как тащить? – недоумевающе спросил Пашка. – Он же пока до рубки дойдет его три раза смоем.

– Может ему веревку за ногу привязать, чтобы прополоскало за бортом? – оскалился Филиппенко. – Оставь его в покое, пусть отдыхает. Я с него потом три шкуры сдеру.

Выждав подходящий момент, Пашка выскочил из рубки и помчался к носовому кубарю. Заскочив в тамбур и закрыв дверь, он схватился за поручни трапа и, соскользнув по ним вниз, оказался... по колено в воде. Превозмогая зловонный запах алкоголя, едко сдобренный «ароматом» давно нестиранных карасей³⁴ и табака, он наткнулся взглядом на «шапку» мечтательно пускавшему в подволок колечки табачного дыма.

– Придурки! Что, дверь некому было закрыть?! Или у вас тут чемпионат по прыжкам в воду намечается? На что теперь спорить будешь, «шапка»?

– Он, с Мерином, наперегонки плавать будет, – подал голос Петя. – Вокруг трапа, по кругу.

– Э, «КМУ», не бухти. Кто сильный, тот выплывет! – приподнял голову Пашин помощник – прибалтанный мужик лет сорока, по имени Тимур.

³² «Дед» – так зовут на флоте старших механиков.

³³ С потолка.

³⁴ Носков.

– Не знаю, как кто, а ты у меня сейчас точно всплывешь! Мы с кэпом наверху за вас вахту тащим, а им даже дверь в падлу закрыть. Петя и Тимур – на вахту, Мерин – на камбуз. Распоряжение капитана, – пояснил Паша.

– Вот вы с кэпом и стойте, – зевнул Тимур и отвернулся к переборке. – Устроил тут истерику: «Вахту некому стоять...!»

– Бунт на корабле? – удивленно отреагировал Паша и, сдернув Тимура со шконки, с головой окунул в воду.

После нескольких, весьма продолжительных по времени водных процедур, Паша вытащил помощника из воды:

– Ну, так как насчет вахты?

– Не сдамся! – изображая из себя партизана в гестапо, замотал головой Тимур. – Но, если очень надо...

– Надо. И очень, – на пинках погнал Пашка помощника по трапу.

Заметив, что и старпом спускает свое брненное тело со шконки, Паша удивился:

– А ты куда, пиратская твоя морда?

– Я подумал, что если подниматься – так всем...

– Ты остаешься в резерве. До особого распоряжения, – как можно серьезнее ответил Пашка и, не выдержав, улыбнулся. – Отдыхай, Флинт...

Поручив помощнику откачивать воду из носового кубрика, Паша поднялся в рубку. На руле стоял Петя, а кэп нес вахту лежа, на штурманском столе. В это время в рубку залетел Мерин:

– Камбузная печь сорвана с фундамента, готовить не на чем, – как показалось Пашке, радостно отрапортовал он. – Из провизии осталось две буханки хлеба и пшенка, из консервов – банка сгущенки. Разрешите удалиться в кубрик?

– Так, – помрачнел Филиппенко. – Значит ты, Мерин, нам голодную смерть предрекаешь. Ты в курсе, что до ближайшего укрытия около двух суток хода? Что скажешь, стармех?

– Если мы не хотим погибнуть еще и от пожара³⁵, – думаю, придется перейти на сухой паек.

– Запалить «ПТС» – Мерину раз плюнуть, – согласился кэп. – А где твой помощник?

– Снимает синдром алкогольной зависимости, – пояснил Пашка. – Ручным насосом. Эти паразиты кубарь по колено водой залили.

– Вот! – радостно поднял палец кверху Саня. – К нему-то мы на помощь Мерина и пошлем. И смотри у меня, «фюрер», – обратился он к Мерину. —Будешь сачковать – заставлю обед на зажигалке готовить...

Обиженно сопя, Мерин удалился в машину...

– Дедушка, пойдешь отдыхать – шумни старпому, чтобы возглавил генеральную приборку в кубрике, – отдал последнее распоряжение кэп и, устало закрыв глаза, задремал...

13

Когда истерзанный штормом «ПТС» оказался в районе «Нефтяных Камней», – ураган затих, так же внезапно, как и начался. Вскрыв трюм, в котором находился магазин, обнаружили, что он наполовину заполнен водой. Виновником подтопления оказался лопнувший метра на два в длину ширстрековый пояс³⁶ судна, открывший воде путь в трюм. Так, или иначе, надо было идти в Пирсагат, на базу, «зализывать» раны...

³⁵ Капризная камбузная печь, работавшая только на солярке, периодически взрывалась.

³⁶ Стык палубы и борта.

По приходу в Пирсагат, Пашку с кэпом вызвали к начальству. Разузнав о состоянии судна и уточнив необходимые ремонтно-восстановительные работы, начальник сказал на прощание:

– В рубашке родились ребята, мы уже вас хоронить собирались. Как чуяли – поставили на ремонте новый главный двигатель, причем экспортного исполнения. Если бы не он...

Когда Пашка уже заносил ногу, чтобы перелезть через фальшборт базы, его тронул за плечо какой-то человек:

– Раз не погиб – судьба твоя с морем теперь навеки, – промолвил он...

В Пирсагате попросил замену Мерин. У него, как сказал, пребывавший в шоке от этой новости капитан, якобы обострилось старое венерическое заболевание. Мерин списался с судна вместе со старпомом, который, так же, как и кок, пожаловался на недомогание. Уже через трое суток прислали замену Мерину, а старпома пообещали прислать в Говсаны³⁷, куда должен был пойти «ПТС»...

14

Толян, так звали нового кока, несмотря на ноябрь месяц, пришел на судно в сандалиях на босу ногу и старом, линялом трико. Экипаж был в сборе и сидя в кают-компании играл в карты на деньги. (Сразу после прихода судна в Пирсагат, всему личному составу выдали двухмесячную заработную плату).

– Займите кто-нибудь, с получки отдам, – жалостливо попросил Толян.

– На носки, что ли заработать решил? Смотри, а то тут и без трусов оставить могут, – захохотал «шапка». – На, позабавься, – кинул он трешку...

Обчистив экипаж до последней копейки, Толян удовлетворенно хмыкнул.

– Теперь тут не только на носки, а на билет до Ливерпуля хватит.

– Это что же получается, братва! – вскинулся «шапка». – Теперь мы у него все в должниках ходить будем?

³⁷ Порт под городом Баку (Азербайджан).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.